

ВВЕДЕНИЕ

Судебный процесс социалистов-революционеров состоялся в Москве в июне — августе 1922 г. и приковал к себе внимание не только России, но и всей демократической и социалистической общественности Европы и Америки. По количеству особенностей, затрагивающих самые разные сферы организации подобных процессов и юриспруденции, судебный процесс социалистов-революционеров, пожалуй, не сравнится ни с одним из процессов российского освободительного движения. Но главная и совершенно уникальная его черта, резко выделяющая этот процесс из всей как дореволюционной, так и советской судебной практики, заключается в том, что и те, кто судил, и те, кого судили, пытались доказать и себе, и друг другу, и всему миру, что они-то как раз и есть истинные революционеры, а противостоящая им сторона и есть подлинные предатели революции и трудящихся. Эта двуединая цель, хотя обычно прямо и не называлась, и была основной, как для судей (и стоявших за их спинами подлинных вдохновителей и дирижеров процесса), так и для подсудимых (и их товарищей на воле и в эмиграции). Без ясного осознания этой основной особенности процесса исследователь и читатель будут просто сбиты с толку абсурдностью (с точки зрения юриспруденции) того, что происходило во время подготовки и проведения процесса.

Большевики страшились опасности повторения печального опыта самодержавия, с переменным успехом боровшегося с революционным подпольем более полувека. Большевики стремились не просто уничтожить и скомпрометировать революционное социалистическое (и анархистское) подполье, но и подмять под себя и поставить себе на службу (переставив акценты) саму субкультуру революционера (или, пользуясь термином петербургского исследователя Б. И. Колоницкого, субкультуру революционного подполья). Большевиков пугало, что благодаря механизмам субкультуры воспроизводились кадры революционеров, которые, впрочем, были страшны не столько сами по себе, сколько тем, что они были потенциальными лидерами незатихающего движения масс. Свидетельством реальности этой угрозы были, с одной стороны, успехи эсеровской и меньшевистской агитации в студенческой и рабочей среде в 1921—1922 гг. (да и с многомиллионным крестьянством, как показал опыт, эсеры находили общий язык проще, чем большевики). С другой стороны, Тамбовское и особенно Кронштадское восстание подтвердили на практике, что процесс, так сказать, «революционной самодеятельности» масс, как бы большевикам ни хотелось, вовсе еще не прекратился. Соединение идеологий и опыта революционных партий, с одной стороны, и недовольства различных классов и страт российского общества — с другой, было губительно для власти. А опасность такого соединения в 1921—1922 гг. была куда реальнее, чем возрождение «белой альтернативы», всерьез скомпрометировавшей себя и в Сибири, и на Севере, и на Юге России.

Обычно современники и историки обращали внимание на идеологическое воздействие революционных партий на различные слаты российского общества путем агитационно-пропагандистской деятельности. Но нельзя не видеть и степень глубины воздействия революционной субкультуры на политическую культуру широких масс в революционных событиях 1917 г. Интереснейшее исследование Б. И. Колоницкого убедительно свидетельствует, что февральские события 1917 г. стали возможны из-за глубокого проникновения в политическую культуру широких масс революционных традиций и символов, помогавших толпе самоорганизоваться: «Люди разных убеждений, разного возраста и социального положения, в различных, подчас совершенно необычных ситуациях могли действовать солидарно, ибо все они были знакомы с революционной традицией, их действия регулировались общим культурным кодом поведения. При этом важнейшим инструментом самоорганизации стали революционные символы, прежде всего песни и красные флаги»¹.

Это, собственно говоря, и определило три магистральных направления борьбы большевистской власти с надвигающейся опасностью. Первым таким направлением оставалось своего рода комплексное воздействие на все классы и слои общества как средствами пропаганды, так и методами всеобщего устрашения и чекистского контроля. Во-вторых, В. И. Ленин и другие наиболее последовательно мыслящие вожди большевизма поняли довольно быстро, что изоляция (а в при возможности и необходимость и физическое уничтожение) социалистов — эта жизненная потребность, потребность самосохранения режима.

В-третьих, получилось так, что старая революционная субкультура, хотя и была общей колыбелью для большевиков и ставших оппозиционными им эсеров, меньшевиков и анархистов, вместе с тем, представляла собой очень серьезную угрозу для большевистской власти. Любая конкуренция, любое сравнение для большевиков были губительны и проигрышны — став властью и сев на новый стул, на стул тоталитарной власти, они продолжали сидеть и на стуле революционных традиций (все больше и больше подменяя следование ее нормам риторикой), но и эти стулья разъезжались все дальше и дальше. Совершенно не случайно, что власти чуть не разогнали в этом же 1922 г. Общество политкаторжан, которое фактически стало претендовать на роль хранителя революционных традиций². Выигрышность позиции социалистов по сравнению с большевистской была очевидной — они продолжали свое старое дело — борьбу с властью, с властью хоть и из бывших революционеров, широко использующих старые революционные нормы и символы, но в своей одиозности опередившей авторитарный царский режим. Большевистская демагогия, направленная против социалистов летом-осенью 1917 г. и в 1918—1920 г., меркла на фоне тысяч крестьянских восстаний против большевиков и расправ над ними, на фоне недовольства рабочих, на фоне беспрецедентной в современной истории страны деятельности ВЧК, взятия заложников, бессудных расстрелов, лжи, лицемерия и крови, которые в изобилии источал новый режим, далеко обогнав по всем меркам не только социалистов (им вменяли поддержку буржуазного Временного правительства и поддержку лозунга «Войны до победного конца» в 1917 г. и «зверства» контразведки Самарского Комуча в 1918 г.), но и старый режим.

Лидеры большевиков и ВЧК отдавали себе отчет в том, что им надо сделать так, чтобы вся глубоко укоренившаяся и развитая несколькими поколениями российской радикальной интеллигенции революционная субкультура с ее нормами, символами, традициями стала ассоциироваться

только с большевиками, из оппозиционных власти революционеров ставших «революционной властью», своего рода правопреемниками и революционной традиции и государственной власти (соотношение этих двух составляющих большевистские власти регулировали в зависимости от потребностей и настроений в обществе, акцентируя внимание, скажем, в 1920-е гг. на первой, в 40-е — скорее, на второй, впрочем, не забывая напоминать о своем революционном прошлом).

Все это определило и сверхзадачу большевиков на процессе с.-р. в 1922 г. — не доказать их виновность в борьбе против большевистской власти (эсеры этим гордились), не сгноить их в тюрьмах — это и так было уже решено и осуществлялось без всяких судов, а дискредитировать их как революционеров, показать, что им гордиться нечем, что они не наследники славных революционных традиций, а гнусные их предатели, спутавшиеся с Антантой, кадетами, белогвардейцами, опозорившие революционные традиции, и попутно доказать, от противного, что единственные хранители этих святынь — только большевики. То, что большевики быстро стали создавать культы личности своих вождей, а чуть позже называть в свою честь заводы, стадионы и даже города, было не только (или не столько) данью их тщеславию и нарциссизму, но и выверенной политической линией. С одной стороны, речь шла о сакрализации себя в глазах обывателя, далекого от традиций революционной субкультуры (города раньше называли только в честь святых да царей), с другой (это уже для тех, кто мыслит категориями и символика революционной субкультуры) — об утверждении себя в первых рядах революционного пантеона. И на самом процессе, и на тысячах митингов, и в ходе петиционной кампании, и на грандиозной 300-тысячной демонстрации 20 июня 1922 г. (в годовщину гибели В. Володарского), организованных властью, и в тысячах газетных статей советской прессы неоднократно повторялось, что виновники всех тягот и бед гражданской войны — эсеры, которые ее связали своим сопротивлением большевикам, что все социалистические партии — «банкроты и предатели» трудового народа и что единственная отныне партия трудящихся — это партия коммунистов, достойная наследница всего революционного движения и его традиций.

В силу всего вышесказанного нам кажется очевидным, что процесс 1922 г. должен рассматриваться как гораздо более многогранное явление, чем просто случай судебной расправы большевистской власти с одной из оппозиционных ей политических партий. Избранная нами тема многоаспектна, и многие из этих аспектов мы только-только начинаем осознавать и подступаться к ним. Некоторые из них изучались десятилетиями, но сегодня требуют как переосмысления, так и дальнейшего изучения на основе документов, спрятанных до сих пор в малодоступных архивах, требуют нового взгляда, отрешенного от старых, вбитых в сознание стереотипов и подходов, как, например, события Октября 1917 г. и гражданской войны или весь круг различных аспектов бытования и взаимоотношений двух ветвей русского социализма — народничества и марксизма — и их судеб. По другим ведутся с недавних пор исследования, но они только в самом начале (или на середине) пути, как, например, практика и эволюция репрессивной политики большевистской власти против социалистов и анархистов (имеющиеся исследования вовсе не исчерпали этой темы³).

К другим темам исследователи всерьез еще и не подступались, как, например, к феномену субкультуры российского революционера и ее различным нормам или к эволюции ментальности и поведенческих норм самих коммунистических правителей, стремительно мутировавших, и т. д. и т. п.

Автор предпринял попытку исследования поведения подсудимых 1-й группы (а отчасти и поведения противостоявшей им стороны)⁴, сквозь призму тех норм поведения, той субкультуры, которая и определяла выбор ими форм и методов борьбы на следствии, суде и в тюрьме, а главное — давала духовные силы для этого противостояния, итог которого — годы в тюрьмах, лагерях и неизбежная смерть — хотя и был всем известен, но страшил осужденных эсеров меньше, чем измена себе и своим товарищам. Эти нормы и этика оказывали на поведение революционеров отнюдь не меньшее влияние, чем их политические взгляды. В этом контексте показательны, что некоторые из подсудимых, например П. В. Злобин и Д. Д. Донской, хотя к 1922 г. и не разделяли уже тех взглядов, которые исповедовала ПСР, но считали невозможным предать своих товарищей, впасть в бесчестие. Не менее показательны и пример двух других эсеров, В. К. Белецкого и В. К. Рейснера, давших в мае 1922 г. Верховному трибуналу ВЦИК (далее Верхтриб) т.н. подписки в лояльности советской власти и выведенных из числа обвиняемых, но через несколько дней написавших заявления в Верхтриб и дезавуировавших свои подписки. С другой стороны, самым ярким борцом со старой революционной моралью явился младший брат члена ЦК ПСР Евгении Ратнер (подсудимой 1-й группы) Григорий, бывший член МК ПСР, ставший коммунистом. Именно он по собственной инициативе вошел во 2-ю группу подсудимых ренегатов и называл «болотом мешанской психологии» непонимание того, что «если требует революция, то можно свести на эшафот и собственную сестру» и отправить к собственной теще чекистов с обыском, ибо считал, что «современная политическая борьба этих старых этических понятий не терпит»⁵.

Необходимость посмотреть на судебное и тюремное противостояние эсеров и большевиков с позиций норм субкультуры и этики российского революционера вытекает и из того, что используемые 22 подсудимыми формы и методы борьбы на следствии, суде и в тюрьме, которые принесли им в ряде случаев победу в противостоянии с властью, не взяли из воздуха и не были ими придуманы в 1922—1926 гг., а являлись частью их предшествующего (и немалого) «тюремного» опыта, а точнее говоря, частью длительной практики российских революционеров, отлившейся в целую систему норм поведения революционера на следствии, суде и в местах заключения, в традиции борьбы за сохранение человеческого достоинства, включаемой в понятие борьбы за «политрежим». Именно благодаря этому они нанесли большевистской власти, самонадеянно выведшей их на публичный процесс, серьезное поражение и преподали урок, который она уже больше не забывала.

Но большевики быстро учились на своих ошибках, и об их поражении в «тюремном противостоянии» с 22 осужденными эсерами в 1922—1926 гг. мир получал лишь обрывки информации, просачивавшиеся вопреки режиму «особой изоляции», специально для этого случая придуманному чекистами. А это «тюремное противостояние» без всякого преувеличения было беспримерным даже на фоне много чего повидавшего за свою уже более чем полувековую историю российского революционного движения. Сломить власти и взорвать «каторжно-карцерный» режим «особой изоляции» заключенные смогли, многократно продемонстрировав как свою готовность идти в этой борьбе до конца (в том числе и до своего конца), так и виртуозное владение всеми тюремно-конспиративными навыками, которые позволяли им вопреки сверхусилиям тюремщиков не терять связи между собой и с внешним миром, благодаря

чему они сумели соблюсти единство требований и отчасти координировать свою групповую голодовку в октябре 1925 г., даже будучи развезенными по тюрьмам нескольких губерний. Такой воли и такой согласованности действий мы не увидим даже в таких крупнейших голодовках и столкновениях политических заключенных с тюремным начальством дореволюционного времени, как, скажем, Якутская бойня, Зерентуйская и Кутомарская трагедия и т. д.

На наш взгляд, процесс с.-р. — это, собственно говоря, ни что иное, как частный случай противостояния демократического и большевистского, тоталитарного, социализма и их субкультур. С этой точки зрения, крайне интересной задачей будущего стало бы проследить (в том числе, и по материалам процесса с.-р.) становление новой «властной» субкультуры и ее разрыв с основными краеугольными ценностями старой субкультуры революционера. А для этого надо проанализировать, о чем обе стороны спорили, как трактовали нормы морали и поведения революционера, попробовать определить хотя бы некоторые из тенденций развития их субкультур. К сожалению, официальные документы по большей части рисуют внешнюю, казовую сторону событий. Тем ценнее те относительно немногие письма, заявления, тюремные записки, воспоминания, позволяющие видеть «душу живую» этих людей, их настроение, эмоции, побудительные мотивы. И тот факт, что многое пришлось собирать по крупицам в архивных фондах, до сих пор не очень-то доступных исследователям, должен хотя бы отчасти извинить автора за то, что описание внешней стороны событий порой превалирует над непосредственным проникновением во внутренний мир российского революционера.

Автор не ставил перед собой цели осуществить детальное и полноценное исследование таких глобальных и сложнейших тем, как феномен субкультуры российского революционера, нормы и традиции поведения революционера, репрессивная политика большевиков против социалистов, борьба социалистов и анархистов за «политрежим», но считал крайне важным затронуть их в книге, чтобы не превратить ее в скучное фактографическое описание хода процесса, вырванного из множества контекстов, органично с ним связанных.

Эта книга задумана как попытка понять и осмыслить одну из запутанных и трагичных страниц нашей истории. При этом ряд тем, в частности — степень причастности эсеровского руководства к боевой группе Г. И. Семенова, а в более широком плане — к покушению на В. И. Ленина 30 августа 1918 г., после углубленного исследования не кажется столь ясной, как ранее. Учитывая важность и сложность этой проблемы, явно требующей расширения источниковой базы, автор вынес ее за рамки данного исследования, чтобы сделать предметом отдельного всестороннего изучения и отдельной книги. В данной монографии затрагивается лишь часть аспектов этой проблемы.

Главная цель, которую ставил перед собой автор — максимально глубоко (благодаря новым источникам) исследовать ряд сюжетов и сторон ярчайшего и парадоксальнейшего процесса в истории революционного движения России, многие из подробностей и аспектов которого были скрытаны вплоть до самого недавнего времени под грифом «Совершенно секретно». Но достичь ее можно было, лишь решив задачу максимально-го расширения источниковой базы за счет введения в научный оборот ранее не доступных для исследователей архивных материалов и, прежде всего, материалов, хранящихся в ЦА ФСБ РФ.

Хронологические рамки той части работы, которая посвящена непосредственно процессу с.-р., охватывают период с декабря 1921 г., когда был дан старт его подготовке, до вынесения приговора 7 августа 1922 г. «Тюремное противостояние» 22 осужденных эсеров и власти охватывает период с 8 августа 1922 г. до конца сентября 1926 г., когда закончилось тюремное заключение Н. Н. Иванова и Е. А. Ивановой-Ирановой. Автору представляется, что «тюремное противостояние» следует рассматривать как послепроцессную стадию, часть общей темы процесса с.-р., неразрывно с ней связанную. Ведь противостояние перешло в тюремные стены из зала суда (можно сказать, что параметры и логика «тюремного противостояния» были заданы процессом) и длилось вплоть до того как власть изменила приговоры осужденным, в том числе и приговоренным к высшей мере наказания.

Мероприятия ГПУ по «добыванию» ПСР, к сожалению, удалось рассмотреть только в пределах 1922 г. и только с той степенью полноты, которую позволили материалы архивного фонда эсеровского процесса — Н-1789, хранящегося в ЦА ФСБ РФ, ибо только этот фонд был доступен автору. Подавляющая же часть материалов по «добыванию» ПСР в 1922—1926 гг. и последующих годах (в том числе, и материалы по проведению Ликвидационного съезда ПСР бывшими эсерами, начало подготовки которого прослеживается нами по документам лета 1922 г.) находятся в других фондах этого ведомственного архива.

Автор не ставил перед собой задачи осветить в своем исследовании все аспекты судебного процесса, с одной стороны, потому, что подобная работа уже была блестяще выполнена голландским историком Марком Янсенем (на доступной ему источниковой базе и в крайне лаконичной форме⁶). С другой стороны, получив возможность использовать уникальные архивные материалы фонда Н-1789, автор считал необходимым обеспечить массовое введение их в научный оборот, а по причине невозможности «объять необъятное» не ставил себе цели «сказать понемногу обо всем», предпочтя более глубокую проработку ряда тем.

Обсуждение в ходе судебных слушаний сюжетов гражданской войны, по которым эсерам было предъявлено обвинение, нашло отражение на сотнях листов стенографического отчета и тысячах листов документов, приобщенных к делу. Этих пунктов обвинения набралось почти два десятка (начиная с участия эсеров в «юнкерском мятеже», получения финансовой помощи от Антанты, связей с белогвардейскими организациями, участия в Союзе Возрождения, ведения террористической, диверсионной и экспроприаторской деятельности, создания собственного правительства — Самарского Комуча, и заканчивая обвинениями их в связях с тамбовской «антоновщиной» и «кронштадскими мятежниками»). По многим из них в зале суда разгорелась ожесточенная полемика, дающая исследователю ценнейший материал как фактического, так и полемического характера. Мысли и аргументы, содержащиеся в стенограммах процесса (их можно сравнить с ключом) в соединении с партийными эсеровскими документами, не введенными еще в научный оборот, как представляется, позволяют в будущем написать более объективную историю противостояния эсеров и коммунистов в гражданской войне. Но для того, чтобы проследить полемику на процессе по всем пунктам обвинения необходимо отдельное исследование. В данной же книге автору пришлось ограничиться лишь одним сюжетом, который он считал крайне необходимым для предпринятого им исследования.

Безусловно, введение материалов в научный оборот для автора не самоцель, а способ приращения научных знаний по данной проблематике, необходимых для достоверной исторической реконструкции событий. Автор надеется, что его выводы и размышления вкупе с введенными в научный оборот недоступными ранее документами станут ступенькой для дальнейших исследований. Ведь одно дело, когда современники событий и историки догадывались о том, что верхушка большевистского руководства дирижирует процессом, пропагандистской кампанией и проявлениями «народного гнева», что ГПУ принимает активное участие в агентурно-оперативном обеспечении процесса, но эти догадки базировались на отрывочных данных, на слухах и аналитических умозаключениях; и совсем другое дело, когда удалось выявить и ввести в научный оборот тысячи документов, которые, собрав вместе отдельные штрихи и мазки, рисуют яркую и достоверную картину (достаточно полную) многочисленных действий, кампаний и спецопераций власти, позволяя увидеть роль и позицию отдельных партийных и чекистских деятелей, увидеть все то, что власти так старательно прятали за грифами «Совершенно секретно» (и даже — «По прочтении сжечь» и «Хранить конспиративно»), а также показывают мужественное поведение заключенных эсеров в 1922—1925 гг., своей борьбой не позволивших себя «похоронить от внешнего мира».

У русской интеллигенции в конце XIX — начале XX в. пользовалась большой популярностью поговорка «Правда таится в нюансах». Есть, правда, и другая поговорка, передающая ту же, в сущности, мысль — «Дьявол прячется в деталях». На наш взгляд, именно возможность «пошупать руками» «нюансы» и «детали» исторического явления или события, подышать воздухом «правды жизни» и позволяет историку при реконструкции и анализе событий смотреть на них уже не с высоты птичьего полета, когда абстракции и теории заменяют глубокое знание анализируемого события (как правило, с ущербом для дела). Детальное же рассмотрение объекта исследования невозможно без привлечения широкого круга источников.

Важной задачей исследования является прослеживание логики и действий власти и органов ГПУ по постановке процесса, по развертыванию пропагандистской кампании вокруг него, мероприятий по охране и по «оперативно-агентурному обслуживанию» процесса с.-р., а также по решению главной задачи — «добиванию» ПСР. Этим сюжетам уделено значительное внимание в книге, т. к., на наш взгляд, это не является излишней детализацией, а, напротив, показывает, как еще в 1922 г. было заложено многое из того, что стало характерными чертами репрессивной политики советского государства: были предвосхищены ЧСИРы (члены семьи изменника родины), начальник Секретного отдела ГПУ Т. П. Самсонов предлагал особым правительственным распоряжением объявить эсеров врагами народа, в мае — июне 1922 г. началось формирование осведомительной сети во всех московских вузах с установкой определять политическую физиономию студентов по их отношению к процессу, была воссоздана система административных ссылок, но еще более жесткая, чем в царское время, в 1922—1923 гг. была предпринята попытка «завинтить» тюремный режим, ликвидировав доставшийся заключенным в тяжелой и постоянной борьбе «политрежим».

Материалы Архива ФСБ свидетельствуют о том, что противостояние эсеров и власти быстро приобрело черты личного, человеческого противостояния и многие документы, вышедшие из-под пера нескольких чекистов и видных большевиков, совершенно явственно несли на себе

отпечаток почти маниакального желания отомстить, сломить, унижить, причинить страдания и т. п. Подчеркнем, что это касалось не только чекистов, но с полным основанием может быть распространено и на некоторых видных большевиков (к сожалению, документы недостаточно характеризуют умонстроения некоторых из них). Собственно говоря, то, что И. С. Уншлихт и Н. В. Крыленко, потерпевшие моральное поражение от противостоявших им 22-х подсудимых, озлобились и испытывали к ним личную неприязнь, заметил еще во время процесса А. В. Луначарский⁷. Но дать волю своим чувствам чекисты смогли уже после процесса, по собственной инициативе создав для заключенных эсеров особый режим и «проташив» его через Президиум ВЦИК (этот режим «особой изоляции» сами политзаключенные, имевшие богатый дореволюционный опыт, сравнивали с режимом карцерного содержания каторжных централов). Незаконность этого действия была очевидна, т. к. эсеры были приговорены к отбыванию заключения в условиях значительно более мягкого режима «строгой изоляции».

Автор не ставил перед собой цели обелить и апологетизировать эсеров и не избегал фактов и оценок, рисовавших их такими, какими они и были — и как политические деятели, и как люди. Безусловно, в критике эсеровской тактики после Октября 1917 г. (в том числе и большевиками, и эсерами-ренегатами) есть ряд совершенно справедливых моментов. Безусловно, эсеровские лидеры совершили ряд действий, не беспорочных как с точки зрения внутривнутрипартийной ситуации, так и с точки зрения развития общероссийской политической ситуации тех лет. Конечно же, теперь становится понятно, что в борьбе за власть внутри партии (и в стране) следует по-иному посмотреть на такие фигуры, как В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, М. А. Натансон, М. А. Спиридонова, А. А. Аргунов и многие другие, не желавшие порой обуздывать свои личные амбиции.

Безусловно, было бы ошибкой некритически относиться ко всему, что говорили на процессе подсудимые-эсеры, опровергая обвинения в свой адрес, и нельзя принимать все их свидетельства за окончательную версию событий революции и гражданской войны. Вне сомнения, рассматривая свое участие на процессе как продолжение политической борьбы, они не только допускали фигуры умолчания, но и запутывали свидетелей обвинения. Но наряду с этим они разбивали ту мифологическую историю революции и гражданской войны, которая была сформулирована обвинительным заключением, а позже была закреплена в учебниках и трудах историков. Искажения подсудимых, если так можно сказать, носили, как правило, локальный характер, охватывая лишь отдельные, крайне болезненные для них сюжеты, вроде статуса боевой группы Семенова и обстоятельств покушений на Володарского и Ленина. А вот ложь обвинительного заключения глобальна, ибо это была тенденциозная большевистская версия Октябрьской революции и гражданской войны. Бельгийский социалист Э. Вандервельде, участвовавший на процессе в качестве иностранного защитника подсудимых 1-й группы, совершенно справедливо заметил: «Обвинительный акт представляет собою весьма неискреннюю, на мой взгляд, попытку дать политическую историю русской революции с большевистской точки зрения. Как адвокат, а не как политический деятель, я могу сказать, что на почве подобного обвинительного материала принять судебное состязание для сколь-нибудь опытного защитника было бы легче легкого, и любой суд, обставленный необходимыми гарантиями, вынес бы оправдательный приговор»⁸.

Как это ни покажется странным, научная историография процесса социалистов-революционеров, имевшего такой общественно-политический и международный резонанс, не столь велика, как это можно было бы ожидать. Здесь, впрочем, следует оговориться, что, на наш взгляд, нельзя считать историческими работами (и включать в историографический обзор) огромное количество брошюр и статей, опубликованных ведущими большевистскими публицистами и безвестными журналистами в сотнях газет и журналах по всей стране накануне и в ходе проведения процесса. Собственно говоря, статьи и брошюры 1922 г. продолжили традицию пропагандистских большевистских статей и брошюр, выпущенных в годы гражданской войны⁹. Эти брошюры (как и все предшествующие) носили ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер, преследовали цель не установления научной истины, а компрометации своего политического противника, и были написаны по заданию Агиткомиссии ЦК по процессу с.-р., устанавливавшей названия брошюр и назначавшей авторов. Более того, о чем писать авторам также указывалась в «Тезисах для агитации к процессу с.-р.», написанных по решению «тройки» Политбюро (Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Ф. Э. Дзержинский) Н. И. Бухариным, Луначарским и Крыленко, а также в тезисах агитаторам, составленных Агиткомиссией ЦК по процессу с.-р. Таким образом, можно констатировать, что все основные параметры агитационно-пропагандистских статей и брошюр 1922 г. были жестко заданы властью, а сами они носили ярко выраженный характер политического заказа¹⁰. Обзору того, что появилось тогда в Советской России об эсерах и эсеровском процессе, была посвящена статья С. Ингулова, вышедшая уже в августе 1922 г.¹¹

К разряду публицистических сочинений и одновременно источников следует отнести вышедшую тогда же, но за границей, книгу меньшевика Вл. Войтинского, содержащую яркое изложение процесса 1922 г. глазами русской социалистической эмиграции¹². Среди достоинств, выгодно отличающих ее от агитпроповских творений, — серьезная насыщенность фактами.

Многие десятилетия после этого процесс социалистов-революционеров не являлся предметом отдельного исторического рассмотрения. Вновь эта тема появляется в 60—70-е гг. XX в. в контексте более широкой темы — крушения антисоветских партий и подполья. Обоснованию закономерности и неизбежности «краха» и «распада» всех антибольшевистских сил в это время посвящено большое количество статей, книг и диссертаций. Но об исследовании процесса с.-р. 1922 г. речь, как правило, не шла. В сотнях работ об этом процессе просто упоминали как о «закономерном конце» ПСР.

Упоминания заслуживают лишь две работы подобного рода, авторы которых воспользовались для своих схематических построений не только очевидными и лежавшими «на поверхности» материалами периодики и опубликованными тогда же, в 1922 г., отдельными документами, сопровождавшими процесс (обвинительное заключение, приговор и т.д.), но и обратились к доступным архивным источникам (материалам Верховного трибунала, хранящимся в ЦГАОР — ныне ГАРФ)¹³.

Д. Л. Голиков в своей книге «Крушение антисоветского подполья в СССР», само название которой уже задавало формат и стиль исследования, фактически лишь добавил к старой схеме освещения и трактовок

процесса ряд извлечений из стенограмм. В духе этих старых представлений он (правда, довольно подробно) описал решение Берлинской конференции Трех Интернационалов о неприменении к обвиняемым на предстоящем процессе смертной казни и дебаты вокруг него на первых судебных заседаниях с участием иностранной защиты; дискуссии о применении к членам ПСР амнистии ВЦИК от 26 февраля 1919 г.; рассказал о том, каким образом складывался окончательный состав группы обвиняемых; обратил внимание на дискуссию о праве иностранных защитников на ведение собственной стенограммы, имеющей юридический характер и т. д.

Трудно согласиться с выводом Голинкова: «Поистине трудно найти в истории еще один подобный политический судебный процесс, на котором подсудимые пользовались бы большей свободой слова и большими правами на защиту!»¹⁴. Беспристрастное исследование свидетельствует прямо о противоположном — о том, что права подсудимых 1-й группы на защиту существенно ограничивались (смехотворным сроком на знакомство с многотомным обвинительным материалом, ограничением вызова свидетелей со стороны защиты, ограничением приобщения материалов к делу, постоянным одергиванием и обрыванием их, копированием и конфискацией ГПУ во время досмотров тюремных камер и личных обысков их защитительных материалов и записей, подслушиванием их разговоров в тюремных камерах и в зале суда с сообщением сведений верхушке ГПУ и председателю суда Г. Л. Пятакову, запретом на встречу и общение русских адвокатов и иностранных социалистов-защитников и т. д. и т. п. Специфичность организации и ведения процесса, постоянное ущемление права подсудимых на защиту были зафиксированы всеми беспристрастными наблюдателями и бросаются в глаза даже при чтении стенограмм процесса. С Голинковым можно согласиться только, если сравнивать процесс с.-р. с постановочными процессами конца 20 — 30-х гг., где подсудимых превращали в марионетки, а сами судебные слушания имели еще более отдаленное отношение к правосудию, чем процесс 1922 г.

Весьма неоднозначное и противоречивое впечатление производит книга Н. Д. Костина «Суд над террором», появившаяся уже в 1990 г. Противоречивость эта состоит в том, что, с одной стороны, автор в отличие от многих и многих, касавшихся процесса 1922 г. мимоходом и всерьез не использовавших документы процесса, обильно использовал в своей книге ряд материалов предварительного следствия и стенограммы процесса (правда, без ссылок, но очевидно, что пользовался он тем, что сохранилось в фонде Верхтриба в ГАРФ). Но, с другой стороны, он соединил цитирование стенограмм с такой публицистичностью, что вкладывал в уста действующих лиц слова, которые не отражены в стенограммах процесса. Но куда серьезнее проявилась тенденциозность автора в выборе тем и сюжетов, в отборе материала, в трактовке явлений, в характеристике побудительных действий участников процесса и их самих и т. п. Подобных тенденциозных переделок в книге очень много, и мы укажем лишь на некоторые из них.

Например, говоря о требовании подсудимыми 1-й группы и их адвокатами отвода суда и гособвинителя Крыленко, Костин не приводит их аргументов, среди которых были более чем серьезные, включая сознательное нарушение советских законов и процессуальных норм. Скажем, следствие Верхтриба вела жена Крыленко Е. Ф. Розмирович, сам Крыленко был председателем коллегии Верхтриба, но во время суда стал

государственным обвинителем, заместителем председателя суда был его подчиненный А. А. Галкин, а в довершение всей этой картины председатель суда Пятаков являлся свояком Крыленко (по утверждению Вандервельде заграничной прессе). Адвокаты указывали на полную недопустимость подобной ситуации и требовали нового следствия и новой конструкции суда и обвинения. Костин же по этому поводу писал: «Подсудимых первой группы пугала большевистская принципиальность, высокий профессионализм, эрудиция Крыленко, и они попытались обезопасить себя, удалив его из прокурорского кресла»¹⁵. Да, действительно, подсудимые 1-й группы, как позже мы это увидим, считали Крыленко самым опасным и самым талантливым прокурором в России, но это вовсе не перечеркивает нарушения, допущенные при конструировании суда.

Говоря о причинах ухода иностранных защитников, Костин не упоминает о той травле, которой они подвергались даже в зале суда со стороны, тех же Бухарина и Крыленко, или о том, что их речи не переводили, ссылаясь на отсутствие хорошего переводчика. В результате получалось, что подвергаемые травле защитники оказались совершенно безгласными. Костин игнорирует и весьма весомые аргументы русских адвокатов, объяснявших, почему они не могут оставаться на процессе. Его вывод категоричен и весьма спорен: «Однако истинная причина ухода адвокатов эсеровских руководителей заключалась в другом: в невозможности доказать невиновность своих подзащитных. Они провоцировали их на излишнюю откровенность, которая могла им дорого стоить. Каждый день пребывания на суде приносил защитникам эсеров все новые и новые политические удары»¹⁶. Характеризуя книгу Костина в целом, можно сказать, что несмотря на широкое использование документов и стенограмм процесса, она отбрасывала читателя к стереотипам и языку 1922 года.

Настоящий же прорыв в научной разработке темы произошел с появлением в 1982 г. монографии голландского историка Марка Янсена, переведенной и опубликованной на русском языке в 1993 г.¹⁷ Этого прорыва автору удалось добиться не в последнюю очередь благодаря изучению материалов социалистической эмиграции, внимательно анализировавшей процесс 1922 г. (все это интеллектуальное богатство как и источниковая база в виде многочисленных статей, опубликованных в эмигрантских журналах, были практически недоступны советским историкам и не были ими востребованы). Несомненно также, что успеху автора в продвижении на пути к реконструкции исторических реалий способствовало то, что им впервые были введены в научный оборот документы и материалы из зарубежных библиотек и архивохранилищ, а также воспоминания ряда очевидцев и участников событий. Безусловно, его работа и по сей день является лучшей из всего того, что было написано по этой теме.

Среди работ последнего времени, где рассматриваются биографии видных участников процесса (обвиняемых), а в связи с этим и некоторые аспекты организации и проведения самого процесса, следует отметить публикацию М. Янсена о послепроцессном периоде жизни Е. М. Тимофеева¹⁸, основанную на переписке последнего, сохранившейся в эмигрантских архивах, сборник документов Я. А. Яковлева о пребывании в Нарымской ссылке Д. Д. Донского¹⁹, статью казанского профессора А. Л. Литвина²⁰ и исторический очерк С. В. Журавлева²¹, посвященные перипетиям судьбы Г. И. Семенова.

А. Л. Литвин впервые проследил судьбу Г. И. Семенова вплоть до его гибели по материалам его следственного дела 1937 г. Большим достоинством

статье стало рассмотрение фигуры Семенова в контексте процесса с.-р. Огромный интерес представляет ряд авторских суждений, в том числе и о причинах процесса с.-р.

Напротив, в продолжающей исследовании биографии Семенова информативно насыщенной статье С. В. Журавлева наряду с введением в научный оборот важнейших документов следственного дела Семенова, контекст процесса с.-р. отсутствует, как отсутствует и контекст процесса Бухарина, на которых Г. И. Семенов сыграл весьма серьезную роль (особенно на первом).

Проблематика эсеровского процесса затрагивается в книге Д. Б. Павлова²². Сообщение А. И. Юрьева посвящено «ликвидационному» Всероссийскому съезду бывших членов ПСР, который хотя и состоялся в 1923 г., но был генетически связан с процессом 1922 г.²³

Переходя к анализу источниковой базы, следует, прежде всего, отметить, что корпус опубликованных источников заметно уступает по объему пропагандистской литературе. Накануне процесса, в феврале 1922 г., сначала в Берлине, а затем и в Советской России была издана брошюра Г. И. Семенова, которую в декабре 1921 г. еще в рукописи читал И. В. Сталин, оставивший на ней свой автограф²⁴. Было опубликовано также «Обвинительное заключение по делу Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии с.-р. по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами»²⁵ и ряд материалов самого процесса в двух выпусках, включивших в себя речи государственных обвинителей А. В. Луначарского, М. Н. Покровского, Н. В. Крыленко; представителей Коминтерна К. Цеткин, А. Муны, Д. Бокани; приговор Верховного революционного трибунала и постановление Президиума ВЦИК, воззвание Коминтерна, а также речи защитников и обвиняемых 2-й группы²⁶.

Тенденциозность отбора этих материалов очевидна: публиковались исключительно материалы обвинения, а также речи подсудимых 2-й группы и их защитников-коммунистов, не столько защищавших своих раскаявшихся подопечных, сколько обвинявших подсудимых 1-й группы. Несмотря на обещания властей издать стенограммы процесса целиком, они так и не были опубликованы. Не были изданы в Советской России и защитительные речи и последние слова подсудимых 1-й группы.

Лавируя между необходимостью придать процессу видимость свободы и объективности и невозможностью помещать в прессе выступления подсудимых 1-й группы, власти придумали т. н. подневные отчеты из зала суда, выполненные в нарочито объективированной, сдержанной по языку форме и весьма скромные по объему. Нельзя не отметить, что эта форма и стилистика появились у них после вмешательства Троцкого, подвергшего советские газеты критике за крикливость и ругань при освещении процесса с.-р. Эти подневные газетные отчеты о ходе процесса, печатавшиеся в центральной прессе, являются весьма своеобразным источником, т. к., во-первых, их тексты значительно короче текстов стенограмм, а, во-вторых, при всей внешней объективности, они, безусловно, тенденциозны.

В известной мере документальная лакуна, созданная политическим режимом для Советской России, была компенсирована публикациями социалистической эмигрантской печати тех лет — прежде всего, публикацией в эсеровской «Революционной России» защитительной речи А. Р. Гоца и «последних слов» десяти (из двадцати двух) подсудимых 1-й группы.

Эти материалы были опубликованы по черновикам, переданным подсудимыми из тюрьмы, очевидно, через своих родственников²⁷. Кроме того, на протяжении нескольких месяцев, начиная с марта 1922 г., когда стало известно о предстоящем процессе, «Революционная Россия» и меньшевистский «Социалистический вестник» печатали на своих страницах различные декларации, заявления, протесты политических партий (в том числе и российских партий) и их лидеров, профсоюзов и письма видных деятелей культуры Европы, протестовавших против процесса²⁸.

В 1922 г. в Берлине была выпущена брошюра меньшевика В. Войтинского²⁹. К числу ее несомненных достоинств следует отнести включение в текст ряда ключевых документов предпроцессной и процессной стадий, исходивших от эмигрантских организаций, подборку обращений западных деятелей, профсоюзов, политических партий и общественных объединений в поддержку обвиняемых.

На протяжении многих десятилетий источниковая база процесса с. -р. не расширялась. В 1989 г. в Амстердаме вышел подготовленным голландским исследователем Марком Янсенем документальный сборник о партии социалистов-революционеров в 1917 — середине 1920-х гг. Материалы были взяты преимущественно из заграничного Архива ПСР, хранящегося в Международном институте социальной истории в Амстердаме. Часть из полутора сотен документов отразила деятельность подпольных и заграничных эсеровских организаций накануне и в период процесса 1922 г. Особое значение имеет переписка обвиняемых, в т. ч. А. Р. Гоца, М. А. Веденяпина, а также представителей эсеровского подполья с членами Заграничной Делегации ПСР, в которой содержатся оценки готовившегося большевиками процесса лидерами ПСР «изнутри» и «извне» страны. М. Янсен также ввел в научный оборот такой источник, как стенографические записи процесса за несколько дней, переправленные за рубеж и хранившиеся в архиве ПСР³⁰.

Перечень публикаций последнего времени пополнился вышедшим в 2000 г. документальным научным изданием «Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917—1925 гг.» (М.: РОССПЭН, 2000), в который составителем тома Н. Д. Ерофеевым включен комплекс материалов, посвященный процессу 1922 г. Позиция лидеров ПСР представлена взятыми из журнала «Революционная Россия» за 1922 г. текстами воззваний и заявлений центральных органов ПСР в России и эмиграции, а также отдельными выступлениями и последними словами части подсудимых 1-й группы. В приложении к сборнику составитель ввел в научный оборот девять документов партийного и чекистского руководства 1922—1925 гг. о «добывании» ПСР и политике в отношении осужденных на процессе, выявленные им в фонде Ф. Э. Дзержинского (РГАСПИ).

В 2002 г. в свет вышел сборник документов «Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги», в составлении и написании комментариев к документам которого принимал участие (в соавторстве) и автор данной монографии³¹. В основной части книги были опубликованы документы 1922—1924 гг. из трех «тематических» дел фонда Политбюро ЦК РКП(б), хранящиеся в АП РФ и раскрывающие механизм подготовки и проведения процесса над членами ПСР в контексте разгрома политической оппозиции в РСФСР—СССР. В приложении были опубликованы документы других дел фондов Политбюро и Секретариата ЦК РКП(б), Верховного Трибунала, ГПУ—ОГПУ и документы из других российских и зарубежных

архивов (ГАРФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ РФ, МИСИ, Hoover Institution), раскрывающие политические, пропагандистские, карательные и прочие аспекты подавления властью крупнейшей оппозиционной партии послереволюционной России, а также материалы подсудимых, российских и зарубежных эсеров, рисующие человеческую составляющую их самоотверженной борьбы и противостояния власти.

Данный сборник уже получил оценку в обзоре современной историографии ПСР, опубликованном в журнале «Отечественная история»: «Обращает на себя внимание большое аналитическое предисловие и пространный комментарий к документам, в которых заключена огромная дополнительная информация по множеству затронутых в публикации вопросов. Данное издание может служить примером совершенно нового типа публикаторской работы, выполненной настоящими мастерами своего дела. В результате читатель получил одновременно и документальную публикацию, и научную монографию, значительно продвигающую вперед изучение одного из самых драматических периодов в истории эсеровской партии»³².

Подводя итог анализу историографической и источниковедческой ситуации по данной теме, следует отметить, что, несмотря на целый ряд исследований и публикаций документов, ни осмысление темы, ни использование архивных материалов нельзя считать вполне достаточными.

Источниковая база данного исследования, помимо опубликованных источников, зиждется на архивных документах, большая часть которых сосредоточена в фонде Н-1789 ЦА ФСБ РФ и в научный оборот вводится впервые. Кроме того, автором были использованы документы и других отечественных и зарубежных архивов (РГАСПИ, ГАРФ, МИСИ, Губерновского института войны, революции и мира, Архива «Мемориала»).

Фонд Н-1789 формировался с 1923 г. и до конца 40-х годов и состоит из нескольких блоков разнородных материалов. Хотя официально в описи фонда значится только 113 томов, на самом деле их больше, но точное их количество и номенклатура за пределами описи неизвестны. По своему происхождению материалы фонда можно разделить на следующие группы — тома предварительного следствия ГПУ и следствия Верхтриба ВЦИК, стенограммы процесса, агентурные материалы и охрана процесса, личные следственные дела ряда эсеров, эсеровские партийные материалы за 1917—1921 гг., эсеровская эмигрантская печать, чекистские следственные дела времен гражданской войны, делопроизводственные материалы комендатуры процесса с.-р. Верхтриба, резолюции и петиции различных организаций и лиц как с осуждением организаторов процесса, так и с осуждением самих эсеров и т. д.

В начале 1922 г., в спешке готовясь к процессу, чекисты собрали все, что попало им под руку, и, прежде всего, ценнейший эсеровский партийный архив времен гражданской войны, а также целый ряд чекистских следственных дел, посвященных событиям этого периода. Лишь крохотная часть эсеровского партийного архива была переправлена за границу, большая же попала в руки чекистов при обысках и арестах 1918—1921 гг. Для историка эсеровской партии эти документы просто бесценны, при знакомстве даже с малой их частью возникает ощущение, что мы не знаем подлинной истории Гражданской войны, утратили понимание ее трагизма и переломного характера для судеб страны.

Большая часть материалов фонда была оформлена в конце 40-х годов в картонные папки коричневого цвета с грифом «Министерство государственной безопасности СССР. Центральный архив. Общий следственный

фонд». При этом было изменено название фонда, данное ему в 1922 г. Это старое название написано на папках, носящих еще гриф ВЧК (старые папки были вложены в новые), — «Дело № 2162 ЦК партии с.-р. правых 1922». Новое название фонда Н-1789 — «Дело по обвинению Гоц Абрама Рафаиловича и др».

Стенограммы процесса, хранящиеся в фонде Н-1789, представляют собой два блока. В первый блок вошли машинописные копии (под копирку) стенограмм, которые велись в 1922 г. и которые были переплетены, прошиты и пронумерованы в том же 1922 г. Эти стенограммы были заверены подписью секретаря суда и печатью Коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. Данный блок оригинальных материалов 1922 г. не полон (имеются подневные «Стенограммы судебных заседаний по делу партии социалистов-революционеров» лишь от 3 июля³³ и 28–29 июля³⁴) и находится за пределами 113 томов, указанных в описи.

Кроме того, имеется специальная выписка из стенограммы Верхтриба ВЦИК на 109 листах, адресованная наркому юстиции Курскому, в которой освещается конфликт между судом и русскими защитниками³⁵. Выписки сделаны были из подневных стенограмм от 20–24 июня 1922 г. и только по данному сюжету. К выпискам приложено сопроводительное письмо от 2 августа 1922 г. за подписью ответственного секретаря Суда Верхтриба ВЦИК³⁶.

К этому же блоку относится отдельный том под названием «Поправки и вставки к стенограммам судебных заседаний по делу партии социалистов-революционеров»³⁷, в который вошли машинописные копии (под копирку) 1922 г. заявлений на имя Председателя Верховного Трибунала от подсудимых обеих групп о внесении исправлений и поправок в стенограммы. Как правило, они носят «точечный» характер, хотя иногда встречаются и развернутые тексты, как в случае с заявлением Е. М. Тимофеева от 29 июня, посчитавшего, что стенограмма путано передает его мысль о возможности вооруженной борьбы с большевистской властью, и давшего приемлемый для себя вариант³⁸.

Второй блок — это копии стенограмм, сделанные в 1934 г. и качественно переплетенные. Каждый из 14 томов стенограмм процесса пронумерован: Книга 1, Книга 2 и т. д. Золотым тиснением на обложке выбито «Стенограмма судебного процесса по делу ЦК. П.С.-Р. (правых) 1922 год»³⁹. Обращает на себя внимание, что оглавление каждой книги, подписанной ст. инспектором 7-го отделения УСО ГУГБ НКВД Кольчугиным 29 декабря 1934 г., называется «Оглавление выдающихся выступлений и допросов на процессе»⁴⁰, из чего должно следовать, что данные стенограммы представляют из себя не полные стенограммы процесса, а их подборку. Насколько они отличаются от полного варианта, судить трудно, не имея всего комплекта оригинальных стенограмм 1922 г., но сравнение экземпляров трех подневных стенограмм от 3 июля и от 28–29 июля, сделанных в 1922 г., с копиями 1934 г. показывает их идентичность. Кроме того, чтение стенограмм 1934 г. не создает впечатления логических пропусков и провалов, а нумерация дней слушаний строго соблюдена.

Однако в стенограммах 1934 г. речи иностранных защитников 1-й и защитников-коммунистов 2-й группы подсудимых, а также обвинителей из числа коммунистов-иностранцев либо даются на их родном языке (без русского перевода), либо опущены — в стенограммах просто зияют чистые страницы, вероятно, оставленные для последующего впечатывания иностранного текста.

Таким же переплетом с золотым тиснением, как и стенограммы, оформлены «Протокол Судебного заседания Верховного трибунала ВЦИК по делу ЦК. П.С.-Р. (правых) 1922 год»⁴¹ и «Сборник статей из газет “Известия” и “Правда” к процессу ЦК. П.С.-Р. (правых) 1922 год.»⁴² Протоколы представляют собой краткий, выдержанный в объективистском тоне рассказ о данном дне заседания и занимают, как правило, несколько страниц. Впрочем, их составители иногда ограничивались и половиной страницы.

Подлинность документов фонда сомнений не вызывает. Степень же их достоверности во многом зависит от их характера. Нельзя не принимать во внимание, что ряд документов несет на себе неизгладимый отпечаток острого противостояния, как вооруженного во время гражданской войны, так и политического после нее. В первую очередь, это имеет отношение к газетной публицистике и прокламациям, но не только. Излишне говорить, что крайне осторожного к себе отношения требуют все протоколы допросов (а в фонде имеются также протоколы допросов ряда эсеров за 1918—1921 гг.) — как тех, кто стал сотрудничать со следствием, так и тех, кто сотрудничать не стал, но показания все же дал (скажем, М. А. Веденяпин, Н. Н. Иванов, А. Ю. Фейт и др.). В первом случае нередки следы влияния следователя Я. С. Агранова (так, например, бывший эсер, ставший идейным коммунистом, Григорий Ратнер, на каждом следующем допросе вспоминал все больше и больше, в том числе и много такого, что категорически выходило за рамки сказанного им на первом допросе), во втором — допрашиваемые, безусловно, говорили далеко не все, что знали (нормы поведения и традиции революционной среды, прежде всего, категорически запрещали выдавать товарищей и давать на них обвинительный материал).

Подобное обстоятельство надо иметь в виду и при чтении стенограмм. С одной стороны, явно бросается в глаза, что у Семенова и Л. В. Коноплевой (и еще у ряда подсудимых 2-й группы), как остроумно пошутил М. Я. Гендельман, память по ходу процесса все время улучшалась, и они вспоминали все новые и новые подробности, в том числе и такие, которые совершенно меняли смысл сказанного ими на предварительном следствии (или написанного Семеновым в его брошюре). Подсудимые 1-й группы неоднократно ловили их на противоречиях и нестыковках, о чем мы подробно будем писать ниже.

Но было бы наивным верить и всему тому, что говорили подсудимые 1-й группы. В данном контексте принципиально важно, что они рассматривали процесс не как способ восстановления исторической истины, а как продолжение политической борьбы в специфических судебных условиях. Характерно и то, что ушлышали сексоты в разговорах обвиняемых и то, как подсудимые 1-й группы сбивали, подлавливали и «припутывали» свидетелей обвинения и подсудимых 2-й группы.

Подводя итог, можно сказать, что от исследователя, не желающего стать жертвой искажения реальности всеми участниками процесса, для работы со стенограммами требуются эрудиция, знание материала гражданской войны и истории самой эсеровской партии, потому что в ряде случаев мы имеем дело с замысловатыми переплетениями фигур умолчания и разных полуправд (со стороны всех участников процесса), а также откровенных фальсификаций со стороны обвинения, подсудимых 2-й группы и свидетелей обвинения. Подсудимые 1-й группы на процессе активно и порой весьма успешно боролись с мифами, которые насаждала власть, оперируя не только своими свидетельствами, но и документами,

приобщения которых к делу они требовали, и выступлениями свидетелей защиты, и ловлей на лжи и фальсификациях следствия и подсудимых 2-й группы. Вне всякого сомнения, результаты этого разоблачения большевистского мифа, запечатленные в стенограммах процесса, в совокупности с ценнейшими документами эсеровского партийного архива, захваченного чекистами и приобщенного к этому же фонду вместе со следственными материалами ГПУ и Верхтриба, представляют ценнейший комплексный исторический источник по истории гражданской войны. С помощью их изучения и критического сравнения можно отделить немало зерен истины от плевел лжи. Будем надеяться, что рано или поздно все эти ценнейшие материалы будут опубликованы⁴³, что даст импульс проведению сложной, длительной и кропотливой работы по реконструкции исторических реалий многим историкам.

Степень достоверности документов партийного эсеровского архива, как и большинства рапортов, докладов, сводок и прочих документов ГПУ и различных комиссий, созданных для обслуживания процесса, зависит как от их характера, так и от ряда других факторов. Скажем, некоторые донесения агентов резидентур ИНО ГПУ, «освещавших» эсеровскую эмиграцию, по всей видимости, недостоверны и похожи на пересказ слухов.

Краткий обзор исследований и источниковой базы по данной теме дает основание считать, что начатое сравнительно недавно научное исследование процесса 1922 г. над группой членов ПСР и ренегатов от этой партии требует всесторонней реконструкции причин, обстоятельств и механизма подготовки и проведения большевистской партийно-государственной машиной антиэсеровского показательного политического процесса, воссоздания картины мужественного поведения подсудимых в ходе и после него сквозь призму оценки процесса как части исторического противостояния «тоталитарного» и демократического социализма.

Автор надеется, что эта книга станет еще одной ступенькой к изучению всех этих непростых и весьма актуальных тем нашей истории.

* * *

Автор благодарит д-ра ист. наук С. В. Тютюкина, д-ра ист. наук А. П. Ненарокова и д-ра ист. наук В. В. Шелохаева за целый ряд ценных замечаний и советов, а также выражает признательность А. Б. Рогинскому, председателю НИПЦ «Мемориал» и правления международного «Мемориала», который посоветовал автору изложить «тюремный» материал с точки зрения «этики и тактики» революционера, а также высказал ряд важных замечаний и пожеланий.

Автор благодарит д-ра ист. наук С. А. Красильникова, одного из соавторов сборника документов по процессу с.-р., подтолкнувшего его к написанию монографии и предоставившего собранный им в московских и сибирских архивах и не вошедший в сборник архивный материал (часть материала была выявлена и собрана им вместе с Н. Г. Охотиным — членом правления Международного «Мемориала»).

Автор выражает благодарность В. С. Христофорову, В. К. Виноградову, А. В. Тюрину, С. Ю. Крючковой, С. В. Матвеевой, Н. Ю. Каталкиной (УРАФ ФСБ РФ).

Автор благодарит своих товарищей и коллег по «Мемориалу» Б. И. Беленкина, Г. И. Бувину, Н. С. Васильеву, А. Ю. Даниэля, Е. Б. Жемкову, А. Г. Козлову, В. А. Крахотина, Г. В. Кузовкина, Н. А. Малыхину, Н. Г. Охотина, Я. З. Рачинского, а также американскую исследовательницу З. Галили.

Автор выражает благодарность сотрудникам НИПЦ «Мемориал» И. И. Осиповой, И. С. Заикиной, С. С. Печуро, Л. А. Должанской, М. Л. Кофман, ряд материалов которых, полученных ими в ходе архивных изысканий в фонде ПКС-ППЗ (ГАРФ), был автором использован в книге.

Автор благодарит Т. А. Семенову (Рихтер) и Т. В. Шестакову за предоставленную возможность использовать в книге документы и фотографии из их семейных архивов, а также И. И. Осипову за предоставленные материалы из дела заключенного А. Р. Гоца 1937 г.

И, наконец, моя безграничная благодарность и признательность канд. ист. наук А. Ю. Морозовой, без чьей самоотверженной помощи данная книга не увидела бы свет.

В 2003—2004 гг. автору для работы над книгой была оказана финансовая поддержка Министерства образования РФ (грант Минобразования России по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук — ГО2-1.2-45). В книге использован ряд материалов совместного проекта автора с А. Ю. Морозовой, посвященного субкультуре российского революционера, получившего поддержку фонда Сороса в 2000 г. (грант RSS № 893/2000).

Примечания

- ¹ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 22.
- ² Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: Образование, развитие, ликвидация. 1921—1935: Материалы Международной научной конференции. Москва, 26—28 октября 2001 г. / Сост. Я. Леонтьев, М. Юнге. М., 2004.
- ³ Рогинский А. Б., Жемкова Е. Б. Соловецкие политкиты. Список политзаключенных [1925] // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М. 1991. С. 252—287; Заявления политзаключенных Пертоминска и Соловков. 1923—1924 гг. / Публ. А. Мельник, А. Сошиной. Прим. А. Е. // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 245—251; Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999 и др.
- ⁴ Одной из особенностей процесса с.-р. стало то, что подсудимые были поделены на две группы, сидевшие на разных скамьях. Защитниками 2-й группы подсудимых, фактически игравших на стороне обвинения, выступили видные коммунисты.
- ⁵ Процесс эсеров. Вып. 2: Речи защитников и обвиняемых. М., 1922. С. 229, 238—241.
- ⁶ Jansen M. The Trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow 1922. Martinus Nijhoff Publishers, 1982; Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. Хотя советские архивы стали доступны М. Янсону лишь при издании книги на русском языке в постсоветское время, он использовал большое количество советских и европейских опубликованных источников, а также ценнейшие материалы эсеровской эмиграции, хранящиеся в Международном институте социальной истории в Амстердаме, в Гуверовском институте войны, революции и мира и в Бахметьевском архиве (США).
- ⁷ В своем письме от 12 июля 1922 г. к «тройке Политбюро», секретно руководившей процессом, он бил тревогу по поводу голодовки, объявленной подсудимыми в ответ на изменение порядка проведения свиданий с родственниками (поставили между ними решетку): «Я просто диву даюсь, как не только Уншлихт, но и Крыленко в каком-то странном озлоблении против подсудимых не понимают, что они бьют наш процесс наотмашь. <...> Неужели так важно, что, как мне объясняли,

- жены с.р. садятся к ним на колени и могут передать им записки. Да черт с ними, пусть передают им, что угодно, это было бы в миллион раз менее вредно для нас, чем демонстрация голодания, за которую они горячо ухватились, понимая, какой это большой для них козырь» (Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М., 2002.
- 8 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 167—168.
 - 9 Устинов Г. *Меньшевики, правые эсеры и революция*. М., 1918; Мясников А. *Социалисты-революционеры*. Минск, 1919; Зорин С. *Потомки провокатора Азефа*. Пг., 1921; Попов Н. Н. *О мелкобуржуазных партиях*. Харьков, 1921; *Партия социалистов-революционеров (правых и центра)*. Тамбов, 1921; Быстрянский В. А. *Меньшевики и эсеры в русской революции*. Пг., 1921.
 - 10 Вардин И. *Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты (факты и документы)*. М., 1922; *К процессу правых эсеров. Тезисы для агитаторов*. М.: Агитпропотдел ЦК РКП(б), 1922; Луначарский А. В. *Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров*. М., 1922; Мещеряков В. Н. *Партия социалистов-революционеров*. Ч. 1—2. М., 1922; Покровский М. Н. *Что установил процесс так называемых «социалистов-революционеров»?* М., 1922; Стеклов Ю. *Партия социалистов-революционеров (правых эсеров)*. М., 1922 и др.
 - 11 Ингулов С. *О бурно пожившей и бесславно погибшей партии (обзор литературы об эсерах) // Печать и революция. 1922. № 8. С. 93—101.*
 - 12 Войтинский В. *Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве*. Берлин, 1922.
 - 13 Голинков Д. Л. *Крушение антисоветского подполья в СССР*. Кн. 2. М., 1986. С. 207—221; Костин Н. Д. *Суд над террором*. М., 1990.
 - 14 Голинков Д. Л. *Крушение антисоветского подполья в СССР*. С. 212.
 - 15 Костин Н. Д. *Суд над террором*. С. 27.
 - 16 Там же. С. 31.
 - 17 Jansen M. *The Trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow 1922*. Martinus Nijhoff Publishers, 1982; Янсен М. *Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров*. М., 1993.
 - 18 Янсен М. Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. // *Минувшее*. Вып. 7. АТНЕНЕУМ, 1989. С. 193—214.
 - 19 Дмитрий Дмитриевич Донской / Сост., автор введения, комментарии Я. А. Яковлев. Томск, 2000.
 - 20 Литвин А. Л. *Азеф второй // Родина. 1999. № 9. С. 80—84.*
 - 21 Журавлев С. В. *Человек революционной эпохи: Судьба эсера-террориста Г. И. Семенова (1891—1937) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 87—105.*
 - 22 Павлов Д. Б. *Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов*. — М., 1999.
 - 23 Юрьев А. И. *Последние страницы истории партии социалистов-революционеров. // Отечественная история. 2001. № 6.*
 - 24 Семенов Г. (Васильев) *Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг*. М., 1922; ЦА ФСБ РФ, Н-1789. Т. 2. Л. 294.
 - 25 *Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменческих сношениях с иностранными государствами*. М., 1922.
 - 26 *Процесс П.С.-Р. Речи государственных обвинителей. Приговор Верховного революционного трибунала. Постановление Президиума ВЦИК. Воззвание Коминтерна*. М., 1922; *Процесс эсеров*. Вып. 2: *Речи защитников и обвиняемых*. М., 1922.
 - 27 *Революционная Россия. 1922. № 21—22.*

- ²⁸ См., например: Революционная Россия. 1922. № 19; Социалистический вестник. 1922. № 12. 18 июня.
- ²⁹ Войтинский В. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922.
- ³⁰ Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. / Ред.-сост. М. Янсен. Амстердам, 1989.
- ³¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М., 2002. 1007 с. (Серия «Архивы Кремля»).
- ³² Кононенко А. А. Современная российская историография партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2004. № 4. С. 113.
- ³³ ЦА ФСБ РФ, Н-1789. Т. 116.
- ³⁴ Там же. Т. 117.
- ³⁵ Там же. Т. 115.
- ³⁶ Там же. Т. 115. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Т. 118.
- ³⁸ Там же. Т. 118. Л. 126—128.
- ³⁹ Там же. Т. 23—36.
- ⁴⁰ См., например: Там же. Т. 35.
- ⁴¹ Там же. Т. 22а.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Насколько нам известно, завершается подготовка к изданию стенограмм процесса с.-р. авторским коллективом во главе с казанским профессором А. Л. Литвиным. Значение введения в научный оборот стенограмм процесса трудно переоценить.